

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

ФЕДОР ГЕДЗ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Федор Гедз
Семейные узы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гедз Ф. И.

Семейные узы / Ф. И. Гедз — «ЛитРес: Самиздат», 2019

История небольшой семьи из России, где каждому ее члену предстоит столкнуться с одним из главных вопросов в их жизни: что такое семья?
Обложка была создана в программе "Photoshop". Автор обложки - Федор Гедз. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ
Российская сказка

Глава 1

Октябрьский вечер

– Твоя дочь – шлюха, – огрызнулся какой-то тип за соседним столиком. Те шакалы, что сидели, окружая его, ухмыльнулись, но поддерживать не стали. Остальные, кто был в кабаке, прекратили разговоры, поставили свои бокалы и стали наблюдать. Словно стервятники, они выжидали, кто же окажется сегодня ночью с разбитой мордой или перышком под ребром. Славная драка затевалась – пятница, а значит будет чем поживиться в суете событий. Завсегда-таки заведения и старперы прекрасно знали, к чему ведет эта потасовка. Именно поэтому они никогда не брали денег больше, чем могли пропить или просто не вмешивались в петушинные разборки. Бармен тоже не отрывался от своих обязанностей. Всех своих клиентов он знал не только в лицо, но и по фамилии-отчеству, а некоторых, особо выдающихся «конкурсантов», даже по месту прописки. Он никогда не ввязывался в подобные конфликты. Хозяин этого заведения строго наказал ему не соваться – для него любая драка – это прежде всего бизнес от того ущерба, что обязательно нанесут гости, когда будут разбивать друг об друга недопитые бутылки с дорогим спиртным и ломать об спины стулья. Даже полицейских никогда сразу не вызывали, только в конце. А словосочетание «скорая помощь» здесь не употребляли и подавно.

Андрей читал газету, сидя у барной стойки и не отрываясь от новостей, идущих по маленькому, постсоветскому телевизору в углу, что периодически мерцал, когда пропадал сигнал. Самокрутка в его губах бессмысленно тлела.

– Твоя дочь – шлюха, – бросил ему в спину Максим.

Максим был его знакомым. Они вместе, несколько лет назад занимались подработкой на разгрузке вагонов, вместе отбивались от гопников, занимали друг у друга деньги и выручали при крайней необходимости. Эдакая приятельская идиллия. Но это было тогда.

Правильно говорят, что на свете существует всего три типа людей, которые всегда говорят правду: дети, люди в ярости и пьяные. Вот и этот вечер не исключение. Семнадцатилетняя дочь Андрея – Катя спала за деньги с каждым десятым присутствующим здесь.

Максим был пьян. Чего он ожидал, когда так спокойно, при этом не теряя сарказма, напомнил своему хорошему знакомому кто есть его дочь? Не понятно.

Андрей в свою очередь никогда не обижался на правду. Более того, он никогда не принимал статус своей дочери на личный счет, тем более как издевку. Ее жизнь – это ее проблемы. Если она не может вытягивать деньги из людей ничем кроме панели – ее проблемы. Если ее спокойно называют шлюхой при ее отце – тоже ее проблемы. Но Андрей понял все. Максиму нужен был лишь повод, чтобы затеять драку, почувствовать соленый привкус крови во рту и выбить костяшки пальцев на руках. Есть такой типаж людей как Максим. Нельзя было ни на минуту усомниться в том, что именно этот человек придет на помощь в последнюю минуту, способен решить трудные вопросы и вытащить кого-угодно повязшего в дерьме по самый шиворот. Нельзя, потому как именно такие люди прежде своих поступков обращаются ко множеству причин, чтобы это сделать. Будь это элементарно благородные побуждения или же уроки жизни на улице – причина может быть любая. Но и нельзя назвать Максима достойным лучшей жизни, чем он имеет сейчас. На равне с его бравыми подвигами он всегда остается той самой сволочью в глазах людей, которая не способна заставить прежде всего себя отбросить все ненужные и мешающие развиваться в жизни вещи и начать новую жизнь. Ученый без ученья. Господь без благословения – ничто иное как собственноручный трон.

Андрей свернул вчетверо газету и отложил ее. Он повилял головой, цокнул и попытался вытянуть из опаленного табака последние силы. Самокрутка вспыхнула и тут же потухла.

– Знаешь, Макс, она же берет пример с твоей жены. Кому как не от собственной матери набираться опыта в рассказах о постели с такими горячими людьми как я. – Андрей улыбнулся в пустоту.

– Сука!

Момент. Андрей услышал, как множество тел позади него разом подорвались со своих мест. Миг. Перед его глазами он представил себе кровь на лице Максима. Что сегодня – переносица, глаз или губа? Нет, сегодня его ждет сюрприз. Все, кто был в кабаке, схватили то, что было под рукой. Мгновенье. Андрей почувствовал, как яростное дыхание Максима фанатически охватывало его шею, тщетно норовя удушить порывами вздохов. Он приближался. Секунда. Он уже на полпути. Среди шумихи стали слышны разлетающиеся во все стороны стеклянные осколки. Ругань и визг. Смех и позор. Полторы секунды. Он совсем рядом. На расстоянии замахнувшегося кулака.

Как по щелчку пальцев, в момент, когда Максим уже посягнул на целостность своего оппонента, Андрей достал из-за пазухи новенький, кованный кастет, и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, уклонив голову чуть вбок от костяшек фаланг противника, коротким ударом попал железным приятелем прямо под ребра товарищу. От неожиданности тот рухнул прямо головой об деревянную панель стойки. Наверняка удалось сломать ребро-другое. Бедолага надолго забудет сюда дорогу.

В баре разгорелся очаг людской милостыни. Когда ты добр ко всем, послушен, исправно выполняешь свою работу, выслушиваешь жену и приветлив с соседями – ты не всегда поступаешь так, как хочешь. Зарождается эмбрион агрессии, отец которой избыток энергии, что просто поимел твое спокойствие. И когда в очередной раз, чтобы не ссориться с близки людьми, не выплескивать накопившееся на родных, не кричать на улице, чтобы тебя не забрали в отделение, ты уходишь в подобные места – все присутствующие понимают тебя, а ты должен понять их. Вы деретесь не за правоту. Это бойцовский клуб без правил, чтобы каждый мог насладиться своей молодостью. Горячие парни, потные мышцы тел и счастливые глаза – вовсе не анонс к новому порно фильму на прилавке с кассетами. Это эпохальная картина мужского слабоумия и отваги.

Максим распластался на полу, больше не в силах подняться. Как придавленный резиновыми тапками таракан, он истерично дергал конечностями, в надежде уйти от добивания грозного людя.

Но Андрей не жаждал крови. Он лишь нагнулся и спустил на волю свои пятипалые щупальца рыскать пожитки Макса. Среди каких-то клочков бумаги, потрепанных автобусных билетов, связки ключей от дома и пачки сигарет, Андрея больше всего заинтересовал кожаное портмоне. Внутри зачесались пару тысяч с копейками.

– Ну, что ж, и эта награда меня удовлетворила. Ты лежи-лежи. Отдыхай. Твои ребята сегодня в ударе, уйдете в плюс, – Андрей перебрал купюры и сложил их к себе в джинсовую куртку.

Максим стонал от боли. Пир внутри кабака с каждой сломанной костью брал октаву все выше и выше. Пока в коллизе не останется один гладиатор – тяжелой тучей не оборвется с темных небес оркестра последняя нота на голову этого славного бойца. Загудят фанфары, а после приказ красно-синих софитов: «Всем оставаться на своих местах, ублюдки!». Аплодисменты. Цветы. Наручники. Блестящий спектакль.

Выйдя наружу, победитель вздохнул полной грудью. Чудная погода. Конец октября всегда радовал своим пряным ароматом приближающихся холодов и женских духов.

Мимо прошли две очаровательные девушки в черных чулках, стрельнув глазами с большими ресницами. Они еще раз оглянулись на него и захихикали между собой, когда Андрей

проводил их раздевающим взглядом с блестящей улыбкой. Ему было всего сорок шесть лет, все волосы были на месте, профессионально подстриженная борода придавала еще больше брутальности, расколотые и кривые зубы ему заменил на новые керамические старый друг-стоматолог, поэтому он вполне мог рассчитывать на их близость. Бурлящая кровь заставила все тело содрогнуться в предвкушении девичьих нежных стонов над ухом и робкого касания черствой ладонью между бархатных, молодых бедер.

Возвращаться домой к жене он не желал. Драка сегодня отнюдь разгорелась слишком рано. Немного помявшись на тротуаре, впитывая бодрящий прохладный ветер, Андрей почувствовал себя свободным. После нескольких десятков лет отношений, он ни на секунду не переставал любить свою супругу. С Наташей Андрей познакомился еще будучи выпускником старших классов. Первые сентиментальные признания, первый поцелуй, первый секс, долгие романтические прогулки и сумасшедшие ночи на крышах домов, радио вышках, совместный побег на грузовом поезде из дома – всю свою молодость он был счастлив быть рядом с ней. Андрей никогда не жалел, что то, самое задорное и всекушающее время он отдал своей первой искренней любви. А она всегда отвечала взаимностью. Военное училище. Свадьба. Работа. Дети. Андрей порой давал пустить себе слезу, вспоминая те времена, понимая, что свою юность он провел именно с нужным человеком. Так считала и его жена. Он любил и любит Наташу.

Андрей неожиданно сам для себя захотел навестить Катю. Все-таки не чужой человек.

Катя – старшая дочь. Помимо нее у Андрея было еще двое детей: девятилетняя милашка Поля и двадцати четырех летний наркоман Никита.

Полина была приемной. Когда четыре года назад Андрей с женой окончательно разочаровались в сыне, они решили удочерить кроху и больше не повторять ошибок в воспитании. Как вскоре оказалось, новоиспеченные родители были совершенно не готовы принять еще одного ребенка. Финансов им хватало, а вот внимания... Досадно было наблюдать, как после детдома малышка вновь оставалась одна. Катю в ее возрасте заинтересовали парни, желательно с крутыми машинами и деньгами, Никита постоянно пребывал в нирване где-то в подвалах – ему в принципе не было дела до своей семьи. Жил он на улице, в подъездах или еще черт знает где, постоянно воровал деньги на новые дозы, но домой его никто никогда не впускал.

Все перевернулось через два года после звонка из больницы. Ночью от инсульта скончалась последняя родственница семьи со стороны Андрея – бабушка.

Анастасия Прокофия, бессмертная коммунистка, не интересовалась жизнью молодых. Ее больше заботила желтая пресса и русские сериалы про ментов. Сына – Андрея она ненавидела за его капиталистический характер военного образования, Полину она не видела даже в лицо, хотя о существовании знала прекрасно и сочувствовала ей за безалаберных новых родственников, а о похождениях пилигрима Никиты ей никто никогда не рассказывал. Меньше знает – крепче спит.

И вот пришел тот документ, в котором огласилось, что старуха перед самой смертью подарила свою роскошную квартиру в центре города Никите и Кате.

Однако чаша равновесия не дала наркоману извращаться над жильем покойной. В один день после всех официальных росписей и печатей, девочка Катя переросла в девушку Екатерину Андреевну. Революционным кулаком по столу (что-то от бабушки после ее похорон наверное передалось) она объявила об уходе из гнезда родителей. Те были не против. Или были просто не в состоянии возражать – история умалчивает. Важно лишь то, что за один день Катя собрала все свои и Полины вещи, позвонила однокласснику, который только недавно обзавелся новой блестящей девяткой с тонировкой ежика в тумане и женскими симпатиями, и в тот же вечер они уже спали в новом доме. Они, включая Никиту. Катя взяла на себя ответственность за все – отныне она сама заботилась о сестре, сама зарабатывала деньги, успевала

посещать занятия и вести хозяйство. Полина же помогала ей как могла. Сестры сблизилась за пару месяцев как никогда.

Оставалась одна проблема под боком – все никак не собирающийся откинуться либо в чернозем, либо на зону брат. На редкость удачливый оказался. Но и на него проказы нашлась управа. Эту роль великолепно, порой даже на бис, играли старшие друзья Кати. После нескольких ночей под одеялом с местным уличным бойцом Игорем, который точно держал по крайней мере целый район беспризорников, Никита должен был беспрекословно следовать правилам проживания с сестрами. А они многого не требовали: дома он должен быть абсолютно трезв и ни к чему не прикасаться. Никита имел право на сон, ванную, туалет, если повезет – солдатский ужин из гречневой каши с тушенкой. В противном случае, когда он пытался несколько раз бунтовать против органов местной власти, один звонок и через десять минут его уже увозили в багажнике, но не далеко и избивали, но не сильно. Просчитанный политический ход дебилами. Катя называла это профилактикой населения. Надо отметить, что в свои те пятнадцать Катя уже имела фигуру настоящей фото-модели, упругую попу и грудь третьего размера, она потрясающе делала самый сексуальный макияж и красила волосы в пепельный цвет. В те же пятнадцать лет она уже познала силу женской кокетливости. Она пользовалась ей везде, где можно было манипулировать мужским началом, где можно повелевать мужскими инстинктами. Никто не исключает, что именно поэтому ей удавалось, уделяя из всего времени суток самую малость школе – не вылететь из нее с крахом – ведь директором на тот момент, вопреки стандартом, был назначен молодой, подкаченный брюнет. Но явных доказательств все же эта теория так и не приобрела.

Вот и живут уже два года в новостройке, отдельно от старших воспитателей все трое детей. Поля ходит в младшие классы, Катя надеется не залететь, Никита медленно, но верно приближается к консистенции жидкого дерьма. Романтика.

– Что приперся?

Андрей был рад видеть дочь. Она стояла в голубой майке поверх голой груди и белых кружевных трусиках в дверном проеме с видом недопонимания, не желая впускать отца. А он просто улыбался. В соседней квартире не унималась лающая собака, что подрабатывала на хлеб вместо консьержа и звонка, периодически получая поддых боярским сапогом за пересердствование.

– Я это. Денег принес. И шоколадку.

– Сколько?

– Две тысячи.

Андрей поспешно достал купюры и показал их дочери. Потом приложил шоколадку.

Катя смотрела на происходящее еще пару секунд, размышляя над тем, стоило ли разрешить войти полупьяному Андрею в ее обитель.

– Ладно, заваливайся, чай попьем. С шоколадкой. – ухмыльнулась она.

Андрей был несказанно счастлив. Он переступил через порог, запер за собой дверь и разулся.

– Проходи на кухню. Деньги оставь в коридоре на комод.

– Кто дома?

– Я одна сегодня. Поля отпросилась в гости к подружке, посмотреть новый мультик про принцесс, Никиту я не видела уже пару дней, надеюсь, он наконец-то захлебнулся слюнями. Думала Игоря позвать, отработать защиту, а он в соседний город уехал – там какие-то разборки или вроде того. Я не знаю. Не лезу в его дела. Садись за стол.

Катя выглядела уставшей. У нее были растрепаны волосы, кожа стала бледной, но даже в таком виде ее девичья натура вызывала страсть, ее легкая поступь раскрывала в ней ее самые

нежные черты. С Андрея не сходила обворожительная улыбка. Он гордился дочерью, вопреки независимому мнению экспертов по куртизанкам.

В бабушкиной квартире было очень уютно. Старуха видно давно слышала, как острое лезвие косы царапает ее окна, поэтому на все свои сбережения додумалась последними извилинами выкупить эти современные апартаменты. В качестве наследства. Откуда и как одинокая красногвардейская женщина, всю жизнь свято верующая, что деньги не должны иметь верх над человеком, могла наскрести столько валюты, можно было только догадываться. Ведущим предположением было – продажа всех драгоценностей, что насобирал прадед в Германии, когда отбрасывали фашистов все ближе к Берлину. Кто бы что не говорил, а мародерство было везде. Советские солдаты так же на правах захватчиков-освободителей тащили с собой все, что помещалось в вещмешок. Импортные вещи, европейская техника, золото и украшения – брали все, что не было заминировано и не разорвало старого солдата, когда тот решил прибрать на память косо висящую картинку морского бриза. Брали за косы и немецких женщин, стоящих на коленях. Не было никакой святой армии, ибо были сильные люди.

Мебели здесь было немного – только самое необходимое. Зато ремонт – потрясающий. На кухне из интерьера стоял лишь стеклянный обеденный стол с четырьмя стульями, холодильник и гарнитур.

– Падай, я чайник поставлю.

Андрей сел на ближайшее место. Свою черную ветровку он повесил на спинку стула. Катя поставила чайник на газ, достала из верхнего шкафчика круглую фарфоровую пепельницу на стол и закурила от плиты.

– Ты еще куришь? – обернулась она.

– Почти бросил. Уже перешел на самокрутки.

– Красавчик.

Катя села напротив. Она пускала дымные кольца вверх под потолок. В ее замученных красных глазах кроилась безмятежность.

– Как дела, дочка?

– Какие именно дела тебя интересуют?

Андрей молча поднялся со своего места. Он подошел к висящим на стене шкафчикам, откуда достал сахарницу и пакетированный черный чай. Заботливый отец решил поухаживать за своей полусонной девочкой. Выспаться ей действительно бы не помешало. Он бы проявил еще большую любовь, если бы не пришел в такой час, без приглашения, не стал бы покупать свой любимый горький шоколад, не подумав что тот на самом деле больше бодрит, чем успокаивает, и уж тем более не пытался расспрашивать о таких насущных и всеобъемлющих вопросах про дела. Вот так бывает в жизни, что лучшая забота о человеке оказывается, когда ты элементарно его не трогаешь. Не всем это понять, особенно людям, которые считают что без их внимания всем вокруг плохо, особенно назойливым отцам и мальчишкам, что в свои двенадцать тщетно ухлестывают за дамами. Вот и Кате весь этот цирк пьяного мастера видится лишь показухой. Не принес бы папаша те деньги, вовсе не пустила бы. А теперь она совсем сомневается, стоили ли эти никчемные пару тысяч такого представления. Жалеет над бездарностью клоуна.

– Как школа? На медаль идешь? – отец рассыпал сахар, пока пробовал дрожащими руками насыпать его в чашки.

– Мне понравился один мальчик. – Катя вдруг заговорила робко. Видимо она решила не мучить отца, чтобы тот не метался в догадках: что бы такого спросить, чтобы поддержать диалог? Она наслаждалась кружившим горьким туманом.

– Ух ты, – Андрей обернулся с двумя стаканами в руках. На его лице читалась изумление – он не поверил словам дочери, поэтому максимально возможно подражал мимикой.

– Расскажи. Мне интересно!

Отец поставил стаканы на стол, подтащил ближе к Кате свой стул, развернул его и присел, облокотившись локтями на спинку. Катя потушила недокурный бычок.

– Его зовут Николай. Он умный, галантный молодой человек. Учится в параллельном классе.

– А он знает... эм... чем ты занимаешься?

Неожиданно резко засвистел чайник. Катя решила тоже поухаживать за отцом. Пока он переваривал Николая в голове и ждал ответа на интригующий вопрос, она разлила кипяток, а после снова плюхнулась на свое место. Теперь ее взгляд зачаровал пар, поднимающийся с поверхности согревающего напитка. Катя, на правах утомленного человека, искала куда можно было утопить свое внимание, чтобы не уснуть.

– Он толком сиськи то только по телеку наверное видел. Нет, не знает. И знаешь что... мне кажется я ему тоже нравлюсь. – впервые за сегодня у нее на мгновение вспыхнул блеск где-то очень далеко в ее маленьких глубоких зрачках.

– Ты многим ребятам нравишься. А как же Игорь?

Андрей заметил, что Катя заметно оживилась. Ему и ей, впервые за последние несколько лет, действительно было приятно быть только вдвоем. Чай остывал, за окном дразнил птиц бойкий ветер, время давно перевалило за двадцать три часа, а они сидели и уповали в общении, в присутствии друг друга.

– У Игоря появилась новая сучка. Скоро я ему надоем. Его псы на поводке перестанут быть моей элитной гвардией.

– Что у Никиты?

Катя отхлебнула травяной напиток. Спустя пару минут, словно не расслышав сразу Андрея, она наконец ответила:

– Не хочу о нем сейчас.

На кухне повисла неловкая пауза. Андрей понял, что срочно нужно сменить тему в приятное русло.

– А что Колины родители?

– В смысле?

– Чем они занимаются? Состоятельные? – Андрей тоже сделал пару глотков.

– Нет, обычные родители. Коля тихий мальчик. Отнюдь, у него большой потенциал. Он программист, подрабатывает хаккерством, мечтает переехать в Мадрид.

– А он не промах, – отец отхлебнул еще.

Ни деньги привлекают девушек. Ни власть. Ни состоятельность. Сколько бы не было лет даме, какой бы магической привлекательностью она не обладала бы – в мужчине ее будет привлекать целеустремленность, а главное – вера в себя. Жесткий характер, даже если в кармане завалялось всего пару тысяч с копейками. Умение пользоваться детородным органом. Цена его слова. Никто не говорит, что она будет готова жить с таким человеком. Никто не утверждает, что она пойдет за ним, бросив семью, работу или дом. И все же она постарается поддерживать с ним связь, потому что знает, что именно такой мужчина достоин почета и ее ласки. Именно от такого человека стоит черпать веру, когда собственный мир катится чертям. Именно он – ее сокровенные желания и эйфория снов.

Катя погрузилась куда-то в свои мечты. Отец посчитал, что лучше закончить гостить именно сейчас, на приятном пике откровенной беседы. Он встал, и не проронив больше ни слова, вернулся в прихожую.

– Эй, – окликнула его дочь, когда тот уже стоял обутый. – Подожди, я совсем забыла сказать. Алиса в городе. С мужем приехала.

– А ты откуда знаешь?

Катя ехидно улыбнулась.

– Мы все-е-е видим, мы все-е-е слышим – глаза и уши у молодежи везде. Спокойной ночи. Не заблудись!

Андрей кроме обидного «угу» больше выдавить из себя не смог. Не получилось. Он дернул ручку вниз, вышел на лестничную клетку и замер. Теперь он, как и дочь, погрузился куда-то в себя, где лежали воспоминания об Алисе – его мимолетной влюбленности много лет назад, которую выжечь или вытравить ни алкоголем, ни временем из души не получалось никогда.

Он вернулся в свою скромную обитель далеко за полночь. Его супруга Наташа нежилась на теплой простыне под пуховым одеялом с закрытыми глазами. Она не могла уснуть.

– Чего не спишь? – Андрей попытался говорить шепотом, однако получилось мерзко и хрипло. Алкоголь растворился, пока он возвращался пешком до дома.

Наташа промолчала. Она почувствовала, что ее муж чем-то озабочен, но расспрашивать не стала, а просто убрала ногу с его части кровати, когда тот со скрипом приземлился на нее. Чтобы не волновать любимую, необходимо было срочно что-то ответить на ее молчание. Любой девушке нельзя давать время на спокойствие – она должна постоянно о чем-то думать: будь то о заботах, о своей красоте, о завтрашнем дне – не столь важно. В противном случае в моменты ее тишины, она становится страшнее любого тихого дитя – она начинает думать о чем-то «своем». А вот что она себе там напридумывает – зависит только от ее воображения.

– Я к дочке сегодня заходил. Она в порядке. Спи.

Наташа перевернулась на бок и томно выдохнула. Поверила. На самом деле всю дорогу до жены, Андрей был погружен в раздумья. Ему не давали покоя мысли об Алисе. Как она здесь оказалась? Захочет ли она увидеть его, если Андрей пригласит на свидание? Эти вопросы туманили его разум. Он пытался слизать из воздуха ответы, утешающие совесть. Его ненасытную совесть. Он волновался, представляя себе, как когда-нибудь, исключительно случайно, он и она снова, как в далекий первый раз, пересекутся на набережной, когда будут проходить мимо друг друга. Он воображал себе, как ее манящие глаза увлекут его за собой, как она бросит мужа, он оставит жену, и они начнут новую жизнь. Андрей смотрел на звездное небо. Его пьяное сердце захлестнули чувства, как много лет назад...

Супруг погасил торшер, что стоял перед прикроватной тумбой, аккуратно лег на свое место, и к его разочарованию моментально уснул. Во сне он целовал Алису.

Глава 2

Тульский Токарь для ангелочка

– Записываем домашнее задание, дети, – географ отложил в сторону свою методичку, – Алена, не забудь забрать учебник.

Дмитрий Сергеевич совмещал две специальности. Первая – его основная должность директора школы. Другая – пока настоящая учительница географии находилась в декретном отпуске с ребенком, отца которого она не вспомнит после зазорной ночи – он преподавал ее предмет. С момента прихода в учебное заведение Дмитрий Сергеевич понравился почти всем ученикам старших классов. Ребята видели в нем настоящего индейского вождя, а девочки утопали в надеждах овладеть им в качестве страстного любовника. Что не удивительно, ведь с самого первого дня работы новый директор нашел со всеми общий язык. Пацанам, что всю жизнь росли на улице, он разрешал курить в туалете, но только так, чтобы уборщицы не заподозрили их тайный альянс, простых пареньков он защищал, помогал им осваивать новые знания на олимпиадах, спортсменов всегда освобождал от занятий для подготовки к очередным соревнованиям, иногда даже если того совершенно не требовалось. Девушкам он всегда льстил. Среди них прославился своими очаровательными «голубыми глазами» – почти все красавицы школы записались в тренажерный зал, что работал в школе исключительно для «своих», как только узнали, что Дмитрий Сергеевич сам регулярно его посещает. В общем, день за днем он набирал популярность, а главное – доверие. Но не все так просто. Был в директоре и омут, и как полагается своей черт. И попала в этот омут Катя – ученица десятого «Б» класса. Сама попала, никто ее туда не приглашал. Связь между бесом и девушкой скрывали всеми доступными методами. Самым действующим способом, который всегда оставался вне подозрений – это вызов родителей нерадивой ученицы. Он работал идеально.

– Екатерина Андреевна, а что у тебя, милочка, с посещаемостью? Преподаватели жалуются, что ты за последнюю неделю пропустила много уроков.

Кате приходилось постоянно от чего-то отказываться, когда хочешь поспеть везде.

– Сегодня суббота, звони маме, чтобы после уроков вы вместе стояли у меня в кабинете, – географ говорил так твердо, насколько это звучало убедительно.

– Хорошо, Дмитрий Сергеевич, она придет.

Раздался звонок и весь класс поспешил удалиться на перемену. Оставалась алгебра. Екатерина Андреевна на равне со всеми не стала задерживаться – ее ждала младшая сестра на другом этаже школы.

Полина как раз собиралась уходить, после своего последнего урока. Они встретились в женской раздевалке, где несменный цербер сей детской колонии Тамара Васильевна как обычно, в своем духе, рвала и метала всех подряд, кто попадался под ее тухлый перегар из беззубого рта. Выбирать страж порядка не приходилось. Ей прощали и ее нетрезвое состояние и нескончаемые крики, а порой даже применение физической силы. Как никак – служба: и опасна и трудна. Чрезвычайно опасна тем более сама охрана, вооруженная разве что колкими словечками, да черенком от швабры.

– Деточка, а ты уже домой собралась? – единственная, кого хранитель порядка любила – это Полина, к миленькой крохе Тамара Васильевна всегда обращалась ласково, как к собственной внучке.

– Да, тетя Тамара, – Поля отвечала застенчиво. Она не разделяла любовь своей надзирательницы.

– А где же твоя сестренка? Давай сегодня я помогу тебе одеться – бабка уже хотела потянуться за маленькой курточкой, которая Полина положила на скамейку в раздевалке, но не успела.

– Отвали от нее, карга. Протрезвей, прежде, чем к детям приближаться. Они про тебя уже страшилки перед сном сочиняют, – решительно и спокойно ворвалась Катя.

Поля вырвала из цепких рук Тамары Васильевны свою курточку и вприпрыжку подбежала к сестре. Морщинистая морда старой бабки искривилось еще пуще прежнего мракобесия.

– Ах ты нахалка какая! Поглядите на нее! Вали отсюда подобру-поздорову, пока я директора не вызвала! Ишь какая чертовка! – Тамара Васильевна готова была взорваться прямо на месте.

– Не кипятись бабуля, а то сердечко не выдержит, и вперед ногами поедешь кататься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.